

**ФИЛОЛОГИЯ***(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

***М.У. Сулейбанова****Чеченский государственный университет**г. Грозный, Россия*[sulejbanova.ru@mail.ru](mailto:sulejbanova.ru@mail.ru)***Т.Б. Хабусиева****Грозненский государственный нефтяной**технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова**г. Грозный, Россия*[khabusieva@mail.ru](mailto:khabusieva@mail.ru)**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ  
СООТНЕСЕННОСТЬ СЛОВ*****[Marzhan U. Suleybanova, Tamara B. Khabusieva******Word-formation and semantic correlation of words]***

The structural component of the word form in the process of its development has the property to mutate. The result of these modification phenomena may be a modification of the original form of the dictionary unit. Such transformations as a result of the evolution of morphemic composition are noted very rarely and not in all concepts of the Russian language. Many of them are currently generally divided into exactly the same morphological parts into which they were divided several centuries ago.

Key words: word structure, morphological composition, division, language development process.

Чтобы определиться с отношениями между результатом деривации и исходной базой, следует иметь в виду, что полученная словарная единица может не совпадать с исходной базой. Истории конструирования концептов и параметры представления смысловых и деривационных отношений могут не совпадать, и относиться к разным уровням языкового толкования. К примеру, для концепта *ворчливость* мотивирующей базой является аффикс *-ость* от прилагательного *ворчливый* (ср. диалектные образования: *дырявность* от *дырявный*, *крикливость* от *крикливый*, и т. д.), но на современном этапе

языкового развития идентифицируется (ввиду выпадения из литературного языка слова *ворчливый*) образованием от слова *ворчливый* с аффиксом *-ость*. Слова *святитель*, *строитель*, образованные от глаголов *святити*, *строити* с суффиксом *-тель*, идентифицируются на данном этапе как концепты с аффиксом *-итель*, так как глаголы *святити*, *строити* вышли из употребления, и т. д. Эти языковые процессы имеют место потому, что материальное наполнение концепта в процессе речевой и языковой эволюции подвергаются различным модификациям, и как итог, новая конструкция слова зачастую выглядит несколько другой, по сравнению, с исходной.

Указанные модификации наблюдаются не во всех производных единицах, а имеют место быть в отдельных дериватах, так как данный словообразовательный процесс не является непереносимым условием деривации для большинства дериватов. Весьма значительная часть таких дериватов имеют такие же степени членимости как и в достаточно далеком прошлом. К примеру, из оставшихся в современном русском литературном языке (55) древнерусских слов с аффиксом *-ость* только слова *бодрость*, *важность*, *ведомость*, *доблесть* видоизменили с течением времени морфологическое строение своей основы, или перестали члениться вообще (*ведомость*, *доблесть*), или начали члениться по-другому: *(бъд-р)-ость* → *бодр-ость*, *(важ-ьн)-ость* → *уважн-ость*. Остальные (51) имеют в настоящее время в своих основных значениях абстрактных имен качества точно такое же морфологическое строение, какое они имели в XI-XV вв. (ср. слова *премудрость*, *грубость*, *кротость*, *скупость*, *честность*, *юность* и т. п.).

Главными условиями, необходимыми для модификации того или иного значения деривата следует считать те или иные нарушения непосредственного соприкосновения между членами деривационного процесса. Концепт, образовавшийся по структурной схеме деривации от того или иного слова, по целому ряду причин теряет с ним (если оно не исчезает из языка вообще) соотносительность, перестает с ним связываться по семантике или начинает соотноситься не с целой основой образующего слова, а с его частью или с другим словом. Данные языковые процессы являются пусковым механизмом для специфических явлений, которые функционируют в языковой практике под названием «опрошение» и «переразложение». Эти же процессы оказываются важнейшими в возникновении явлений, которые можно назвать усложнением и декорреляцией.

Конкретно, для того чтобы обеспечить те или иные модификационные процессы в морфологической структуре слова, необходимы следующие условия:

1. Сдвиги в семантике производных и непроизводных основ.
2. Исчезновение из языка или, напротив, активизация в нем образующих и родственных слов.
3. Изменения в фонетическом облике слов.
4. Влияние на морфологическое строение этимологически изолированного слова морфологической структуры продуктивного типа слов.

Именно такие условия (действующие очень часто вместе) прежде всего, способствуют тому, что в слове как в структурном целом происходит целый ряд изменений, наблюдается опрощение и переразложение, усложнение и декорреляция.

Что же понимается под данными процессами? В понятие опрощение основы слова вкладывается такое толкование его морфологического строения, где основа, ранее членившаяся на морфемы, становится нечленимой, непроизводной. «Опрощение» основы слова – факт потери основой слова способности делиться на морфемы. Такие же процессы отмечаются и в таких словарных единицах, как *пасмурный, спасти, кануть, рубаха, басня, ласточка, застенчивый, красный, нужный, бородавка, живот, затхлый, лицемер, работа, позор, тучный* и т. п. Указанные концепты на современном этапе развития языка считаются словарными единицами с непроизводной основой; такими по морфологической структуре они стали в силу различных процессов.

Так, «опрощение» слов *рубаха, красный, живот, лицемер, позор, работа, спасти, бородавка* следует понимать, как разрыв их смысловых значений в процессе использования со смысловыми значениями слов, на базе которых они возникли (ср. *рубить – подрубить, краса, жить, лицо и мерить, зреть – зоркий – зрак, раб, пасти, борода*). Опрощение слов *кануть, затхлый* (из *канути, задъхлыми*) можно считать результатом фонетических изменений: в слове *кануть* произошло в очень давнюю эпоху упрощение сочетания согласных *пн* в *н*, в слове *затхлый* – с падением «редуцированных» оглушение *д* перед *х*. Опрощение слов *ласточка, нужный, тучный, басня, застенчивый, пасмурный, ретивый* произошло в силу исчезновения из языка соответствующих производящих и родственных слов (ср. древнерусские *ластунъ – ластовица, нужда, тукъ, баяти, застеняться, смурый* (ср. *хмурый*), *реть* – «спор»). Процесс

«опрощения» имеет в русистике достаточно большое значение, поскольку данный процесс создает условия для пополнения языка новыми словарными единицами с непроизводной основой, обогащать свой запас корневых слов. В процессе опрощения, если он проявляется в целом ряде одноструктурных с морфологической точки зрения слов, производящие словообразовательные элементы переходят в нерегулярные, а подчас и исчезают вовсе («ср. суффикс *-р-*, исторически определяющийся в словах *старый, острый, бодрый, добрый, хитрый, щедрый, ядро*, существовавший в слове *брать* и т. д.») [1].

Таким же важным процессом, касающимся морфологического состава слова, является и «переразложение». «Переразложение» – это такое перераспределение морфемного материала в составе слова, которое определяет иное, чем это было раньше членению слова. Как результат данного процесса слово, оставаясь морфологически составным, членимым единством, способно продуцировать в своей структуре новые морфологические части» [2]. Именно такой процесс наблюдался выше для слов *косточка* и *готовность*. Таким образом, в результате переразложения, происходит процесс трансформации участников деривационного процесса. Так, в слове *грешник* аффикс *-ик* (слово *грѣшникъ* было образовано от прилагательного *грѣмьнь*) включил в себя аффикс *-н-*, в слове *распятие* суффикс *-иј-* (слово *распятие* является образованным от страдательного причастия *распять*) включил в себя аффикс *-т-* и т.д. Процесс переразложения играет такую же важную роль, как и опрощение. «Мы должны отметить, что именно благодаря процессу переразложения русский язык обогащается новыми деривационными аффиксами, новыми моделями образования слов. Закрепляясь сначала в отдельных словарных единицах, переживших процесс переразложения, получая проверку временем, почти все новообразования становятся продуктивными, образующими. Так, суффикс лица *-ец*, разрастаясь, дает жизнь потенциальному суффиксу *-енец*, суффикс лица *-ик* дает продуктивные суффиксы *щик, -овщик, -ировщик, -ник, -овник...*, суффикс *-ский, -веский, -ческий, -енче-ский, -инский, -ический* и т. д. [3]. «Можно утверждать, что именно благодаря процессу «переразложения» появились в русском языке такие словообразовательные морфемы, как аффикс отглагольных имен действия *-ение-, -ние-*, суффикс отыменных глаголов *-нича(ть)*, суффиксы уменьшительно-ласкательного значения *-инк-, -очк-, -ушк-*, суффикс прилагательных *-тельн-* и т. д.» [4].

По такому пути зарождения, обычно идет рост числа новых формантов. Но можно назвать и такие, которые имеют другую историю появления, а именно – лингвистический процесс переразложения основы слова и приставки. Яркими примерами указанных модификаций являются префиксы *обез-* и *недо-*, сложившиеся как результат слияния в одно целое, в один деривационный формант двух морфем *0-без, не -до* (ср. *обезвожить, обезсо- лить, недобрать, недосказать* и т.п.).

Вполне независимая словоформа может быть подвержена трансформационным и модификационным процессам, в результате каких-либо структурных преобразований, которые могут быть идентифицированы как регулярные образования. Указанный процесс обычно выражается способностью продуктивных способов и типов деривации подводить под определенную модель образования ту или иную словарную единицу, существовавшую до таких преобразований, вполне самостоятельно. В результате таких преобразований слово приобретает совершенно несвойственные его архитипу значения и подводится под соответствующий словообразовательный разряд и начинает, если не превращается в слово с неделимой основой, члениться на морфемы вопреки этимологии. Зачастую, такие изменения приводят к тем же самым явлениям, о которых только что говорилось, т. е. к опрощению и переразложению. Ср. процесс переразложения в слове *опенок*, образованном от слова *пень*, но сейчас с ним не соотносительном. Под влиянием слов типа *ягенок, цыпленок* и т.д. *-ен-* в этом слове было отнесено к суффиксу *-ок*, в результате чего слово *опенок* получило и во множественном числе форму основы, характерную для слов типа *ягенок, цыпленок* и т.д.: *опята* (как *ягнята, цыплята*). Ср. «опрощение» слова *вынуть* (из *вынять*, этимологически родственного словам *брать, снять, взять* и т.д.) под влиянием словообразовательной формы слов с суффиксом *-ну-* (*гибнуть, хлебнуть* и т.д.) и т. п.

Указанные языковые явления могут приводить и к другим результатам, а именно – к процессу «усложнения» основы: словарная единица, раньше воспринималась как непроемкая, изменяет свой облик и приобретает свойство членимой основы. Так, заимствованное слово *зонтик* по аналогии со словами *зобик, столбик, лобик* и т.д. дало непроемкую основу *зонт* и суффикс *-ик* (сложное в голландском языке слово *zondek* для русских первоначально было корневым, как это можно отметить сейчас для сложных

по происхождению французских слов *гардероб, кашне, плацдарм* и т.п.). Этимологически не оправданное выделение суффикса *-ьн-* по аналогии с именными (т.е. краткими) прилагательными *взьрьнь, гргышьнь, б/ьдьньи* т.п. в древнерусском языке отмечается в непроемной первоначально основе слова *теремнь* (передача греческого *τερσνζΙίον*), в результате чего появляется новый корень *терем*.

Имеются факты проявления процесса усложнения в отдельных случаях и по фонетическим причинам (ср., например, выделение тематического суффикса *о* в словах типа *колоть* после развития древнерусским языком полногласия). Здесь мы должны отметить, что к процессу усложнения приводят не признаки аналогии или фонетических изменений. Это можно отнести к результату заимствования родственного слова, в котором присутствует та же исходная основа. Таким способом осуществляется осознание словообразовательно-семантической связи одного заимствованного слова с другим (именно поэтому, например, произошло усложнение основы слов *метраж, космонавтша, студентка, аморалка* и т.д.).

Представляется очень важным понять и оценить ту немаловажную роль, которую выполняет данный лингвистический процесс в развитии словообразовательной системы языка, благодаря указанному явлению оказывается возможным усвоение иноязычных морфем. Помимо рассмотренных «внешних» процессов опрощения, переразложения и усложнения, достаточно четко обнаруживающих себя в модификации морфологической структуры слова, можно обнаружить также «внутренний» процесс декорреляции, представляющий собой особую форму переразложения. Указанный процесс обнаруживает себя в модификации характера морфем или их соотношения в языковой единице.

Процесс декорреляции не сопровождается модификацией морфемной структуры словарной единицы. Словоформа может иметь те же уровни членения, что и прежде. Количество морфем в составе может сохраниться такое же, как в исходной форме. Но наблюдается интересный факт: морфемы, входящие в состав структуры концепта, по своей семантике не соотносятся с теми, которые составляли исходное значение концепта.

Так процесс декорреляция в словарных единицах *goneц, отморозки* привела к тому, что исходные основы *гон-, отмороз-* воспринимаются как глагольные (ср. *знать, отморозить*), хотя эти слова соответственно были образованы

от существительных гон- «гонец» (ср. *мотогон, разгон*) *заморозки* – «первые морозы» (ср. *зароци, заберег, за'нески*). Аффикс *и* в глаголе *медлить* (от *мьдлыи* – «медленный») в результате процесса декорреляции приобрел статус классного показателя глагола -ес в слове *чудо* (ср. древнерусск. *чудесе, чудесьмь* и т.д.), потеряв при этом функцию словообразовательного аффикса, из аффикса косвенных падежей – в аффикс, указывающий на основу множественного числа, и т. д. При условии включения в процесс декорреляции какой-либо группы слов, имеющих одинаковый структурный тип, то наблюдается процесс трансформации словообразовательной модели в целом (ср., например, превращение отыменных существительных на *-ба* в отглагольные).

#### Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Богородицкий В.Л.* Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939.
2. *Булаховский Л.А.* Типы деэтимологизации в русском языке // Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. Львов, 1953.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1947.
4. *Зенков Г.С.* Процесс переразложения основ и его роль в практике суффиксального словообразования русского языка // Ученые записки Киргизского университета. Вып. 2. 1956.

#### R E F E R E N C E S

1. *Bogoroditsky V.L.* Essays on linguistics and Russian language. M., 1939.
2. *Bulakhovsky L.A.* Types of de-etymologization in the Russian language // Problems of the Slavic language science. Issue 3. Lviv, 1953.
3. *Vinogradov V.V.* Russian language. M., 1947.
4. *Zenkov G.S.* The process of re-decomposition of the foundations and its role in the practice of suffixal word-formation of the Russian language // Scientific notes of Kyrgyz university. Issue 2. 1956.

---

28 июня 2020 г.